

НОВАЯ АРХИТЕКТУРА ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В КАЗАХСТАНЕ: МАСЛИХАТЫ И ПАРТИИ ПОСЛЕ УПРАЗДНЕНИЯ СЕНАТА

¹А.Б. Заирова, ²А.С. Байтлеуов, ³А.М. Толеп

АНДАТПА

В статье анализируется возможный крупнейший институциональный сдвиг в политической системе Казахстана со времён принятия Конституции 1995 года - упразднение Сената Парламента и переход к однопалатной структуре. Освещаются официальные мотивы реформы и возможные последствия для представительной власти. Особое внимание уделяется роли местных представительных органов и партийной системы как основных каналов представления интересов регионов. Цель исследования заключается в выявлении и оценке влияния перехода к однопалатному парламенту на политико-институциональную роль маслихатов и партий. Методологической основой исследования являются подходы нового институционализма и теории политического представительства, дополненные качественным анализом экспертных интервью депутатов маслихата одного из регионов Казахстана. Выявлены риски централизации власти и утраты регионального голоса при однопалатности, а также перспективы усиления маслихатов и партий как компенсирующих институтов. Полученные результаты показывают, что успешность реформы будет зависеть от реального расширения прав, автономии регионов и партийного представительства.

Научная новизна исследования заключается в том, что последствия роспуска Сената рассматриваются через призму восприятия и практик региональных представителей. Это позволяет выявить институциональные ограничения и потенциальные ресурсы маслихатов как одного из основных элементов системы политического представительства в регионах.

Ключевые слова: Сенат, упразднение Сената, роль маслихатов, партийная модернизация, реформа, политическое представительство, региональное представительство, однопалатный парламент, Казахстан.

¹ Казахский Национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан

² Независимый эксперт-аналитик Алматы, Казахстан

³ Казахский Национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан

Автор-корреспондент:
Заирова А.Б.
zassbn@mail.ru

Цитирование:
Заирова А.Б., Байтлеуов А.С., Толеп А.М. Новая архитектура представительства в Казахстане: маслихаты и партии после упразднения Сената // Адам әлемі. – 2026. – Т. 28. №1(107). – С. 79-93.

Қазақстандағы өкілдік жүйесінің жаңа сәулеті: Сенат таратылғаннан кейінгі мәслихаттар мен партиялардың рөлі

Аңдатпа. Мақалада Қазақстанның 1995 жылғы Конституциясы қабылданғаннан бергі ең ірі институционалдық өзгерістердің бірі - Парламент Сенатын тарату және бірпалаталы құрылымға көшу мәселесі қарастырылады. Реформаның ресми себептері мен өкілдік билікке ықтимал әсері талданады. Өңірлік мүдделерді білдіретін негізгі арналар ретінде жергілікті өкілді органдар мен партиялық жүйенің рөліне ерекше назар аударылады. Зерттеудің мақсаты - бірпалаталы парламентке көшудің мәслихаттар мен партиялардың саяси-институционалдық рөліне ықпалын анықтау және бағалау. Зерттеудің әдіснамалық негізін жаңа институционализм мен саяси өкілдік теориялары құрайды, олар мәслихат депутаттарымен жүргізілген сапалық сұхбаттардың нәтижелерімен толықтырылған. Бірпалаталылық жағдайында биліктің орталықтандырылу қаупі мен өңірлік дауыстың әлсіреу ықтималдығы, сондай-ақ мәслихаттар мен партиялардың орны толтыратын институттар ретінде күшею мүмкіндіктері анықталды. Зерттеу нәтижелері реформаның сәттілігі өңірлер мен партиялардың өкілеттіктері мен дербестігін нақты кеңейтуге тікелей байланысты екенін көрсетеді.

Зерттеудің ғылыми жаңалығы - Сенаттың таратылуының салдарын өңірлік өкілдердің қабылдауы мен практикалық тәжірибесі арқылы зерделеуінде. Бұл мәслихаттардың өңірлік өкілдік жүйесіндегі институционалдық шектеулері мен әлеуетті ресурстарын анықтауға мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: Сенатты тарату, мәслихаттардың рөлі, партиялық жаңғырту, реформа, саяси өкілдік, өңірлік өкілдік, бірпалаталы парламент, Қазақстан.

The New Architecture of Representation in Kazakhstan: Maslikhats and Political Parties After the Abolition of the Senate

Abstract. The article analyzes what may become the most significant institutional shift in Kazakhstan's political system since the adoption of the 1995 Constitution - the abolition of the Senate and transition to a unicameral parliament. The official rationale for the reform and its potential implications for representative government are

examined. Special attention is given to the role of local representative bodies and the party system as the main channels for articulating regional interests. The aim of the study is to assess the impact of the transition to a unicameral legislature on the institutional role of maslikhats and political parties. The methodological basis includes new institutionalism and theories of political representation, supplemented by qualitative interviews with maslikhat deputies in one of Kazakhstan's regions. The study identifies risks of power centralization and the erosion of regional voice under unicameralism, as well as prospects for strengthening maslikhats and parties as compensatory institutions. The findings suggest that the success of the reform depends on the actual expansion of regional and party autonomy and authority.

The scientific novelty of the research lies in analyzing the implications of Senate dissolution through the lens of regional actors' perceptions and practices. This approach allows for identifying institutional constraints and potential capacities of maslikhats as key elements of regional political representation.

Key words: Abolition of the Senate, Role of Maslikhats, Party Modernization, Reform, Political Representation, Regional Representation, Unicameral Parliament, Kazakhstan.

Введение

В современном мире идеология парламентаризма, впервые обоснованная в трудах европейских мыслителей, получила свое развитие не только на Западе, но и в государствах, где демократические режимы начали формироваться только в XX в. [1, с 130]. Уже в начале XX века концепция разделения властей получила отражение в трудах представителей казахской правовой мысли - А. Бокейханова, А. Байтурсынова, М. Дулатова, Э. Гумарова, Е. Турмаганбетова, Г. Жундибаева, Г. Биримжанова, сформировавших программу партии «Алаш». По их убеждению, ключевой задачей являлось достижение государственной самостоятельности и создание системы народного самоуправления. Законодательные полномочия, согласно их видению, должны были быть сосредоточены в Государственной думе, тогда как исполнительная власть передавалась избираемому Учредительным собранием президенту, управляющему страной через министров, подотчётных обществу. Судебная система, в их представлении, обязана оставаться автономной, с применением института присяжных заседателей при рассмотрении дел о тяжких преступлениях.

Для суверенного Казахстана важным и одновременно сложным обстоятельством стало то, что формирование парламентского института происходило в условиях трансформации от советской модели государственности к принципиально иной - президентской республике. Следует отметить, что этап становления президентской формы правления в стране занял сравнительно короткий период (1990-1995гг.), тогда как процесс институционального укрепления Парламента оказался более

продолжительным и требовал постепенного развития. [2]. Сегодня, Парламент Казахстана развиваясь в рамках собственной траектории, превратился в неотъемлемый элемент государственной системы. И вполне закономерно, что данная парламентская модель, несмотря на свою ориентацию на общепринятые мировые стандарты, неизбежно приобретает самобытные особенности. Следовательно, на процесс становления данного государственного института заметное воздействие оказывают исторические традиции народа, правовая ментальность, социальный уклад, культурные нормы и характер жизнедеятельности казахстанского общества.

В своем Послании народу Казахстана от 8 сентября 2025 года Президент К.К.Токаев внес предложение о переходе к однопалатному Парламенту, этот шаг, по его мнению, должен «усилить роль законодательной власти» и приблизить страну к мировым демократическим стандартам [3]. Планируемая реформа может стать крупнейшей институциональной перестройкой с момента принятия Конституции 1995 года, когда была создана двухпалатная парламентская система. В свою очередь, решение вынести вопрос на всенародный референдум в 2027 году подчёркивает масштабность изменений. Сенат до сих пор выступал верхней палатой, отражающей региональные интересы в Парламенте. Следовательно, после возможного упразднения Сената возникает вопрос, кто и каким образом будет представлять регионы страны. В экспертной среде выдвинуто предположение, что маслихаты и политические партии должны взять на себя эту функцию. Однако научные работы пока охватывают лишь юридические аспекты реформы, практические последствия для местных орга-

нов власти исследованы фрагментарно.

Цель статьи это анализ новой архитектуры представительства в Казахстане после реформы, для чего необходимо выяснить, способны ли маслихаты и партии компенсировать упразднение Сената, и как меняются механизмы учёта региональных интересов.

Объектом исследования является система политического представительства в Казахстане. Предметом исследования является политико-институциональная роль маслихатов в условиях роспуска Сената и модернизации партийной системы. Целью исследования является выявление и оценка влияния перехода к однопалатному Парламенту на возможности маслихатов выполнять функции регионального представительства. Для достижения цели предусматривается решение следующих задач: анализ институционального значения Сената как механизма территориального представительства, определение степени политической самостоятельности маслихатов, определение ключевых ограничений и возможного институционального потенциала местных представительных органов в новых условиях. Новизна исследования состоит в соединении институционального анализа и эмпирического материала: с одной стороны, оно опирается на современные теории представительства и партийной модернизации, а с другой - на полученные данные из интервью с депутатами маслихатов всех уровней. Введение обоснования новизны следует из того, что мы впервые рассматриваем упразднение Сената, как института с позиций последствий этого шага для местных структур представительной власти и особенностей партийного ландшафта.

Методология

В качестве методологической основы исследования используется теория нового институционализма. Она дает возможность исследовать политические институты, анализируя их как продукт взаимодействия формальных элементов и неформальных норм и практик, формирующих поведение субъектов политической сферы.

Реформирование парламентской системы позволяет применить этот подход для оцен-

ки не только юридических изменений, но и их практического влияния на политическую реальность на региональном уровне. Новый институционализм в этом контексте обращает внимание на роль административной вертикали и партийных структур, которые сохраняют свое влияние на степень автономии местных представительных органов.

Исследование основывается на концепции политического представительства, которая дает возможность проанализировать эволюцию механизмов выражения региональных интересов. Использование этой теории помогает понять, как перестройка парламентской структуры влияет на распределение власти и роль маслихатов в системе представительства. Кроме того, она позволяет определить, сохраняют ли маслихаты свое значение в качестве политических представителей после реформы. Помимо этого, используется теория модернизации партийной системы, поскольку трансформация функций маслихатов напрямую связана с процессами внутрипартийного обновления и усиления участия партий в регионе. При реализации политических реформ партийная структура приобретает стратегическое значение в формировании представительной власти, что подчеркивает важность изучения воздействия партийных механизмов на работу маслихатов.

Эмпирическую базу исследования составляют девять экспертных интервью с депутатами маслихатов различных уровней, анализ которых позволяет оценить последствия институциональных изменений через восприятие и практику региональных представителей. Интервью охватывают разные уровни представительства, что способствует разнообразию мнений и точному отображению текущего состояния института маслихатов. Анализ интервью осуществлялся с использованием качественного метода с выделением ключевых смысловых категорий и интерпретацией ответов в контексте институциональной реформы. Такой подход позволяет выявить не только формальные оценки депутатов, но и их практическое отношение к новым политическим механизмам, а также определить степень готовности маслихатов выполнять функции регионального представительства после

упразднения Сената. В выборку включены депутаты разного опыта и партийной принадлежности. В процессе проведения экспертных интервью использовался заранее разработанный гайд, обеспечивший единую структуру вопросов и сопоставимость полученных данных. Для обработки данных применялось смысловое кодирование: ответы респондентов разбивались на тематические блоки. Далее была выполнена индуктивная интерпретация полученных категорий в контексте официальных дискуссий.

Таким образом, методологическая комбинация институционального анализа, сравнительно-теоретических подходов и эмпирических данных, полученных на основе интервью, обеспечивает целостную картину анализируемого процесса.

Основная часть

Роль Сената как института регионального представительства

Сенат Республики Казахстан, учреждённый Конституцией 1995 г., традиционно выполняет функцию территориального представительства в Парламенте. Тогда, Сенат образовывали депутаты, избираемые по два человека от каждой области, города республиканского значения и столицы Республики Казахстан на совместном заседании депутатов всех представительных органов, соответственно области, города республиканского значения и столицы Республики. Семь депутатов Сената назначались Президентом Республики на срок полномочий Парламента [2]. Сегодня сенаторы избираются косвенным голосованием через маслихаты. Сорок депутатов Сената избираются по два человека от каждой области, городов республиканского значения и столицы Республики. Половина избираемых депутатов Сената переизбирается каждые три года. Избрание депутатов Сената осуществляется на основе косвенного избирательного права при тайном голосовании [4]. Орган выполняет роль институционального «баланса» между центром и периферией, межпартийными интересами и территориальной представленностью. Его основные полномочия включают одобрение или отклонение законов, утверж-

дение назначений ряда высших должностных лиц, законодательную инициативу по конституционным изменениям и т.д. Фактически Сенат служит фильтром: проверяет законодательные акты, принятые Мажилисом, и может предотвращать возможные перекосы, исходящие из нижней палаты.

В политической практике 1995-2000-х годов казахстанский Сенат не проявлял открытой оппозиции Мажилису, однако время от времени отклонял либо корректировал некоторые законы, выступая сдерживающим механизмом в законодательной деятельности. Кроме того, согласно Конституции, председатель Сената является первым в линии наследования президентских полномочий. Именно согласно этому правилу спикер Сената К. Токаев в марте 2019 года стал исполняющим обязанности Президента после внезапной отставки Н. Назарбаева, а затем после выборов занял пост главы государства. Таким образом, Сенат был встроен не только в механизм законодательной власти, но и в общую властную архитектуру, обеспечивающую политическую стабильность, выполняя роль «страхового клапана» на случай транзита власти [5].

Сегодня, в нашей стране сложилась система представительства, в рамках которой на местном уровне действуют маслихаты различных уровней, институциональное развитие которых продолжается, при этом их роль и влияние во многом сдерживаются ограниченным объёмом полномочий и недостаточно развитой нормативно-правовой базой. На национальном уровне представительная функция осуществляется Парламентом: Мажилис формируется на основе смешанной избирательной системы и сочетает партийное и персональное представительство интересов граждан, тогда как Сенат обеспечивает представительство регионов и выполняет стабилизирующую функцию в системе сдержек и противовесов государственной власти. Именно эта конфигурация сейчас поставлена под вопрос инициативой о парламентской реформе и об упразднении Сената.

Официальные мотивы и цели реформы.

Официальная аргументация гласит, что изначальная роль Сената - интеграция регионов

и стабилизация политической системы, которая на сегодня выполнена, и настало время оптимизировать структуру Парламента. Еще один заявленный довод это повышение эффективности законотворчества: устранение дублирования функций двух палат и ускорение принятия законов. Однопалатный Парламент сможет принимать законы быстрее, минуя стадию сенатского одобрения, кроме того отмечается сокращение государственных расходов [3]. Государственный Советник охарактеризовал реформу не просто как роспуск Сената, а как часть общей модернизации политической системы. Также подчеркивается, что переход будет постепенным и прозрачным: планируется широкий общественный диалог и вынесение вопроса на референдум в 2027 году. Такой долгий транзитный период призван обеспечить плавность изменений и дать время политическим партиям подготовиться к новым условиям [6]. Кроме того, Президент страны в своем последнем послании народу Казахстана сказал: «Если мы все придем к общему решению относительно необходимости создания однопалатного Парламента, то такой Парламент, на мой взгляд, следует избирать только по партийным спискам. Это будет соответствовать широко распространенной в мире парламентской традиции», следовательно необходимо также усиление партийной системы страны.

Обобщая официальную позицию, отметим, что реформа предлагается как мера по повышению эффективности, демократичности и ответственности Парламента, тогда как, двухпалатная структура парламента, сформировавшаяся в условиях переходного периода, в значительной степени выполнила свою стабилизирующую функцию. В этой связи отмечается, что для политически и институционально сформировавшегося государства возможен переход к более компактной парламентской модели, которая, по мнению сторонников реформы, в большей мере соответствует современным тенденциям развития представительных институтов и может способствовать повышению гибкости законодательного процесса [3]. Однако официальное объяснение отражает лишь один слой реформы. Чтобы понять её реальное значение, необходимо учи-

тывать институциональный эффект. Вероятно, что исчезновение Сената неизбежно меняет механизмы регионального представительства и функционирование системы сдержек и противовесов, как в государственном устройстве, так и на уровне самого Парламента. Упразднение Сената приводит к перераспределению представительских функций в пользу партийных структур и требует анализа механизмов, способных выполнять роль институционального контроля и регионального артикулирования интересов в однопалатной системе. С точки зрения институционального анализа, формально исчезает не только верхняя палата, но и встроенный институт политического балансирования, что делает вопрос о будущих механизмах регионального участия центральным для оценки воздействия реформы. Логичным продолжением обсуждения становится вопрос: если Сенат исчезает, то какой институт должен компенсировать утрату регионального голоса на национальном уровне?

Компенсация через усиление маслихатов.

Сегодня маслихаты Казахстана это выборные представительные органы на местах, которые были созданы на смену Советам народных депутатов периода СССР. Первые выборы в маслихаты состоялись весной 1994 года [9]. Однако в первые годы независимости их роль оставалась второстепенной, потому как государство было сосредоточено на построении центральных институтов, а местное самоуправление не воспринималось как приоритет. Полномочия маслихатов поначалу были весьма ограничены. Например, депутаты маслихата голосовали за бюджет, но без согласия акима не могли внести в него изменения. Такой статус делал маслихаты во многом декоративными структурами, что отражалось и в низком интересе населения к их деятельности. Со временем ситуация менялась и были предоставлены дополнительные рычаги влияния на исполнительную власть. К примеру, ныне действующий Закон 2001 г. «О местном государственном управлении и самоуправлении в Республике Казахстан», наделяет маслихаты правом: утверждать экономические и социальные программы развития соответствующей территории; утверждать местный бюд-

жет и отчёт о его исполнении; контролировать исполнение бюджета и программ; устанавливать по согласованию с Правительством новые местные налоги и сборы (в пределах компетенции); решать вопросы административно-территориального устройства (например, создание или изменение границ районов, наименований населённых пунктов); регулировать вопросы землепользования на местном уровне. В случае неудовлетворительной работы маслихат вправе выразить недоверие акиму, что, может повлечь его отставку. Одновременно был законодательно определён порядок работы маслихатов (сессии, постоянные комиссии, статус депутатов и пр.). Также были скорректированы границы численного состава депутатов маслихатов в зависимости от уровня (город, район, область) [10].

Поправки Конституции РК 2007 года существенно расширили их самостоятельность. Срок полномочий маслихатов был увеличен с 4 до 5 лет, а право досрочного прекращения их полномочий перешло от Сената к Президенту. Важнейшей новацией стало участие маслихатов в процедуре назначения и смещения акимов. Если ранее акимы областей и городов республиканского значения назначались президентским указом по представлению Премьер-министра, то после 2007 г. они назначаются Президентом с согласия маслихатов соответствующей административно-территориальной единицы. Кроме того, маслихаты получили право выражать недоверие акиму: по инициативе не менее 1/5 депутатов вопрос о вотуме недоверия может быть внесён на рассмотрение, а решение о направлении Президенту ходатайства об освобождении акима от должности принимается большинством голосов депутатов (ранее требовалось две трети) [11].

Кроме того, уже с начала 2010-х государством был объявлен курс на усиление участия граждан в решении локальных проблем. Тем самым, в 2012 году была утверждена первая Концепция развития местного самоуправления, далее в 2021 году Концепция развития местного самоуправления до 2025 года и далее до 2030 года. Данным документе маслихаты обозначены как «ключевое звено местной власти».

После трагических событий января 2022 года и последовавших обещаний политической модернизации последовал новый этап реформ. Очередные выборы маслихатов, состоявшиеся 19 марта 2023 года, были проведены уже по смешанной системе. Областные маслихаты и маслихаты городов республиканского значения теперь избираются по смешанной системе: 50% по партийным спискам, 50% по одномандатным округам. Районные маслихаты и маслихаты городов областного значения избираются исключительно по одномандатной системе, что позволяет самовыдвиженцам принимать участие в выборах и усиливает локальное представительство. В частности, на выборах 2023 года большую активность проявили беспартийные кандидаты. Снижен также барьер для прохождения партий в представительные органы с 7% до 5%, что должно способствовать появлению более широкого спектра политических сил в маслихатах [12, с. 19].

На торжественном мероприятии по случаю Дня Республики Президент К.К.Токаев сказал: «нужно сохранить мажоритарную систему выборов в маслихаты» [8]. Смысл в том, что если Мажилис планируется полностью избирать по партийным спискам, то наличие независимых депутатов-одномандатников в маслихатах позволит сохранить связь депутатов с конкретными территориями и избирателями. Предполагается, что сильные маслихаты, избираемые частично по округам, смогут активно отстаивать интересы своих регионов перед центром. Действующее законодательство Республики Казахстан предусматривает возможность обращения маслихатов с предложениями по вопросам законодательства в Парламент. Обращения, поддержанные несколькими маслихатами различных уровней, подлежат обязательному рассмотрению в Мажилисе, что позволяет рассматривать данный механизм как форму коллективного участия региональных представительных органов в законодательном процессе [10]. В новых условиях этому механизму может быть придан больший вес. Это повышает и стимул для региональных элит конкурировать за места в маслихатах, видя в них трамплин наверх. В результате маслихаты могут усилиться не только

юридически, но и фактически, как площадка для расширения политического лидерства на местах, как канал доведения местной повестки до республиканского уровня через партийные структуры. Возрастает и значение консультативных и межуровневых форм взаимодействия с центром, такие как отдельные комитеты или экспертные советы.

Усиление маслихатов неизбежно меняет конфигурацию отношений между центром и регионами, что добавляет реформе ещё одно политическое измерение. Раньше Сенат был ареной присутствия региональных лидеров. После его ликвидации акимы, вероятно, переориентируют усилия на выборы в маслихаты, стараясь провести туда как можно больше лояльных лиц, чтобы сохранить влияние «снизу». Однако если партийные списки формируются централизованно, роль акимов в отборе кандидатов снизится. Это может усилить зависимость региональных руководителей от партийного руководства в столице и от Администрации Президента, курирующей партийную систему. Таким образом, есть расчет, что реформа ослабит самостоятельность региональных элит, укрепив вертикаль центральной власти.

Подводя промежуточный итог, отметим, что упразднение Сената несет двойственный эффект. С одной стороны, оно упрощает и центрирует законодательный процесс, потенциально повышая его скорость и управляемость. С другой стороны, возникают вызовы, связанные с тем, как сохранить элементы сдержек и противовесов в условиях унитарной системы без верхней палаты Парламента. Таким образом, ключевая проблема состоит не только в сокращении структуры Парламента, но и в изменении самой логики представительства в государственной политике. Вместе с тем главным видимым следствием, после того как Сенат перейдет в разряд исторического наследия, станет перераспределение ролей - Мажилис становится единственным законодательным органом, маслихаты же базовым звеном представительства на местах. Кроме того, утрачивается институционализированный «голос регионов» на национальном уровне, поскольку сенаторы от областей фактически были доверенными представите-

лями региональных элит в центре. Если после реформы все депутаты Мажилиса избираются по спискам республиканских партий, то регионы лишатся гарантированных квот представительства. Руководство партий, находящиеся в центре, будут формировать списки кандидатов, и есть риск, что интересы периферии отойдут на второй план перед общей партийной линией.

Модернизация партийной системы и региональное представительство

Если усиление маслихатов рассматривается как локальный компенсатор регионального участия, то на национальном уровне ключевую роль должны взять на себя политические партии. Именно поэтому следующий элемент реформы - это модернизация партийной системы, который напрямую связан с вопросом, смогут ли партии заменить Сенат в функции представительства регионов. Переход к избранию всех депутатов Парламента по партийным спискам повышает роль партийных структур, но также несет риски, учитывая реалии казахстанской партийной системы. Чтобы оценить, насколько возможно передать партийной системе функцию общенационального канала региональных интересов, необходимо проследить, как менялась партийная система в 2019-2023 гг., и отразились ли эти изменения на механизмах представительства. Казахстан пережил серию политических реформ, представленных как курс на либерализацию и «слышащее государство». В партийно-избирательной сфере ключевыми нововведениями стали следующие:

Закон о парламентской оппозиции (2020 г.). Введено понятие «парламентской оппозиции» и формальные гарантии для оппозиционных фракций. На практике, ввиду отсутствия реальной оппозиции в прежнем созыве Парламента, эта мера носила во многом символический характер. Однако сам факт признания оппозиции на уровне законодательства стал прецедентом, сигнализирующим о готовности власти к более плюралистичному Парламенту в будущем [13].

Квоты для женщин и молодежи (2020 г.). Установлено требование, чтобы не менее 30% списков партий составляли женщины, моло-

дежь или лица с особыми потребностями. Эта мера повысила инклюзивность представительства: в результате выборов 2021 и 2023 гг. в маслихаты и Мажилис прошло заметно больше женщин и молодых кандидатов [14, с 112]. Прямое влияния на баланс «центр-регионы» эта квота не имеет, но способствует обновлению депутатского корпуса.

Снижение барьеров для регистрации партий (2022 г.). В рамках конституционной реформы 2022 года порог прохождения в Мажилис снижен с 7% до 5%, а минимальная численность членов партии для регистрации - с 20 тыс. до 5 тыс. человек, цель оживить партийное поле. В итоге к выборам 2023 года были зарегистрированы две новые партии: общенациональная бизнес-ориентированная партия *Respublica* и экологическая партия *Байтақ*. Обе сумели преодолеть барьер на выборах 2023 г., хоть и набрали немного голосов (в сумме ~8%). Возник вопрос, станут ли они самостоятельными игроками или лишь расширят декоративный плюрализм. Пока преждевременно говорить о высокой самостоятельности новых партий, но прецедент появления новых сил создан [12, с 19].

Введение смешанной избирательной системы (2022-2023 гг.). Возможно, самое значимое изменение - частичное возвращение к мажоритарной составляющей при выборах в Мажилис Парламента. На выборах Мажилиса 19 марта 2023 года 30% депутатов, а это 29 из 98, избирались в одномандатных округах. Одновременно в областных маслихатах 50% депутатов стали избираться по одномандатным округам [12, с 17]. Это открыло путь в представительные органы для независимых местных лидеров, общественных деятелей, представителей гражданского общества. Однако в рамках объявленной реформы однопалатного Парламента данное разнообразие может оказаться временным: Президент К.К.Токаев дал понять, что после 2027 года все депутаты парламента будут избираться только по партийным спискам. Т.е. можем предположить, что постепенное расширение независимого представительства оказалось временным явлением: введенная смешанная система может быть отменена, и независимые кандидаты на парламентском уровне снова исчезнут.

Обновление партийного ландшафта. Помимо появления новых партий (*Respublica*, *Байтақ*), на выборах 2023 были допущены и все официально зарегистрированные партии, включая ранее считавшиеся «конструктивной оппозицией» (*Ак Жол*, *Ауыл*, *ОСДП* и др.). В итоге Мажилис 2023 г. стал многопартийным: 6 партий разделили мандаты, тогда как раньше доминировала одна партия [12, с 65]. В совокупности эти изменения привели к тому, что партийная система Казахстана стала формально более разнообразной, но по-прежнему находится под сильным контролем государства. Таким образом, к 2023 году партийная система Казахстана несколько диверсифицировалась, но по-прежнему недостаточно плюралистична. В этих условиях перевод всего парламентского представительства на партийные рельсы несёт противоречивый эффект.

Партии как каналы регионального представительства

Если Сенат обеспечивал гарантированное региональное представительство, то партии в новой модели должны выполнять эту роль через свои региональные структуры. Однако эффективность такого подхода зависит от организационной зрелости партий и степени автономности их филиалов. В теории политические партии могут стать основным механизмом агрегирования интересов территорий, имея развитые региональные структуры. Например, партия «*Ауыл*» декларирует защиту интересов сельских регионов, «*Respublica*» позиционируется как голос предпринимателей, многих из которых волнуют региональные проблемы.

После реформ 2022-23 гг. партии проникли на уровень маслихатов: если прежде местные депутаты избирались безотносительно партий (самовыдвиженцы), то теперь в областных и городских маслихатах сформированы партийные фракции. По итогам выборов 2023 г. партия *Аманат* получила около 69% мест в маслихатах, остальное досталось партиям *Ак Жол*, *Ауыл*, *Respublica* и др. [12, с 100]. То есть маслихаты стали аренной пусть ограниченной, но партийной конкуренции. Теоретически такая партийная сеть может стать механизмом «вертикального» продвижения региональных за-

просов - от маслихатов к Мажилису. Депутаты маслихатов от разных партий могут инициировать обращения по региональным проблемам, продвигать их на уровень правительства. Партии, представленные и в маслихатах, и в Мажилисе, теоретически способны транслировать запросы снизу вверх вместо Сената, в котором каждый регион имел по два сенатора. Теперь каждая партия может представлять регион через сеть своих местных депутатов, сигнализирующих руководству о проблемах и местной специфике. Однако эффективность этого механизма зависит от степени внутрипартийной демократии и автономности региональных отделений. На данный момент казахстанские партии остаются сильно централизованными организациями, зависимыми от государства. Списки кандидатов утверждаются не всегда демократическим путем, а региональные партийцы часто лишены самостоятельности. Поэтому существует риск, что партии станут лишь еще одним каналом «вертикального» контроля над регионами, если не произойдет их реальной трансформации.

Именно здесь проявляется главный парадокс реформы: несмотря на обновление партийного законодательства, институциональная слабость партийной системы может препятствовать замещению Сената полноценным представительским механизмом. Упразднение Сената обнажает давние проблемы казахстанской политической системы: слабость политических институтов, монополизация власти и недостаточная вовлеченность граждан. Без серьезного реформирования партийного поля переход к однопалатности может усилить эти перекосы. В случае сохранения высокой степени централизованности партийной системы переход к модели, основанной исключитель-

но на партийных списках, может привести к тому, что парламентское представительство в большей степени будет отражать позиции ограниченного круга политических акторов, а не плюрализм интересов общества.

Другой вызов - готовность маслихатов принять на себя повышенную ответственность. Несмотря на рост полномочий, маслихаты все еще финансово и организационно зависят от исполнительной власти, их бюджетная база ограничена, а уровень профессионализма депутатов неоднороден и зачастую недостаточен для работы в представительном органе.

Анализ глубинных интервью депутатов маслихатов одного из регионов РК по парламентской реформе

Как уже отмечалось, в ходе исследования применялся качественный метод сбора данных. Авторами были проведены экспертные интервью с действующими депутатами областного, городского и районного маслихатов, т.е. в выборку вошли депутаты разного уровня представительства и опыта. Интервью записывались на диктофон и расшифровывались с соблюдением принципов анонимности. Для анализа использовано тематическое кодирование: высказывания респондентов разбиты на смысловые категории, отражающие ключевые темы (например, отношение к планируемой реформе Парламента, взаимодействие с Сенатом, слабость маслихатов, позиция депутатов, риски централизации, партийная зависимость и др.). Далее результаты интерпретировались в контексте институциональных условий Казахстана и патерналистской политической культуры.

Как показали результаты обработки (см. Таблицу 1)

Таблица 1 – Сопоставление ключевых параметров проведенных интервью

№	Уровень депутата	Отношение к реформе	Взаимодействие с Сенатом упоминалось	Учёт интересов регионов (оценка)	Предпочтительная система выборов
1	Областной	За	Нет	Улучшится	Смешанная
2	Областной	За	Да	Не изменится	Пропорциональная
3	Областной	За	Да	Улучшится	Смешанная
4	Городской	Против	Нет	Ухудшится	Смешанная
5	Городской	За	Да	Улучшится	Смешанная

6	Городской	За	Нет	Ухудшится	Смешанная
7	Районный	За	Да	Улучшится	Смешанная
8	Районный	За	Да	Улучшится	Смешанная
9	Районный	За	Нет	Улучшится	Смешанная

Таблица отражает взгляды депутатов разных уровней на реформу и связанные с ней вопросы. Большинство респондентов (8 из 9) положительно оценивают реформу, при этом в более чем половине интервью (5 из 9) упоминается взаимодействие с Сенатом. Улучшение учёта интересов регионов ожидают 6 депутатов, тогда как 2 допускают ухудшение и 1 не прогнозирует изменений. Подавляющее большинство опрошенных (8 из 9) отдаёт предпочтение смешанной избирательной системе, что указывает на общее направление оценок при сохранении различий в восприятии последствий реформы на разных уровнях представительства.

С институциональной точки зрения, маслихаты Казахстана исторически являются относительно слабыми институтами в сравнении с мощной вертикалью исполнительной власти. Формально обладая определёнными полномочиями на местном уровне, на практике они долгое время действовали в рамках централизованной системы, что ограничивало их влияние на региональную повестку. Интервью подтвердили этот контекст: депутаты признают, что роль маслихатов ранее была во многом вспомогательной. Как отметил один из собеседников, *«Сенат хотя и считался палатой регионального представительства, выполнял функцию стабилизатора, однако реальное влияние региональной повестки было ограничено»*. Он же откровенно добавил, что *«быть полноценным "голосом регионов" Сенату не всегда удавалось... формализованность взаимодействия с маслихатами ограничивала реальное влияние регионов на повестку»*. Это указывает на институциональный недостаток прежней модели: региональные запросы не в полной мере доходили до центра.

Предложенная реформа упраздняет Сенат, что теоретически может ещё более централизовать законотворческий процесс. Опрошенные депутаты осознают эти риски, хотя и оценивают их по-разному. Опытные депутаты указывают на опасности однопалатной систе-

мы. *«Есть опасность, что интересы отдельных регионов могут остаться в тени более крупных или приоритетных направлений»*, - отмечает один из представителей маслихата городского уровня. К рискам депутаты относят ослабление голоса регионов, усиление централизации принятия решений и увеличение нагрузки на единственную Палату. Вместе с тем часть собеседников видит и позитивные стороны структурной парламентской реформы: упрощение Парламента может привести к более оперативному принятию законов и снижению бюрократии и многое будет зависеть от правильного выстраивания диалога между центром и местным уровнем: *«В то же время однопалатность - это и возможность усилить роль местных органов власти, дать регионам больше инициативы и ответственности»*.

Важно, что сами депутаты рассматривают маслихат как потенциальный компенсатор отсутствия Сената. Многие собеседники убеждены: *«маслихаты должны стать главным голосом регионов, особенно если Сенат будет упразднён»*. В интервью выдвигается ряд предложений по институциональному усилению маслихатов. В их числе - расширение бюджетных полномочий маслихатов, право утверждать часть региональных программ и контролировать их исполнение, а также профессионализация их работы. В интервью звучали идеи об укреплении контрольных функций за исполнительной властью на местах и развитии аналитических служб при маслихатах. Отдельно поднимался вопрос о необходимости новых механизмов взаимодействия с центром, в отсутствие сенаторов предлагалось наладить *«устойчивые каналы представительства регионов при Мажилисе»* (например, проводить регулярные региональные слушания на национальном уровне). Реализация этих мер, по мнению опрошенных, смогла бы смягчить риски централизации и придать маслихатам больший авторитет в новой политической конфигурации.

Таким образом, на институциональном уровне депутаты осознают двойственность реформы. С одной стороны, историческая слабость маслихатов и отсутствие полноценного регионального представительства в центре могут усугубиться при однопалатном Парламенте. С другой, реформа рассматривается как шанс перераспределить роли и укрепить маслихаты как ключевой региональный институт, тем самым компенсируя ликвидацию Сената. Это потребует целенаправленных институциональных изменений, чтобы «маслихаты стали ключевым институтом балансировки между центром и обществом», выполняя функцию обратной связи, которой может не хватать в новой системе.

Анализ интервью выявил характерную черту политической культуры депутатов маслихатов, речь идет о высоком уровне лояльности по отношению к центральной власти и патерналистские установки. Практически все опрошенные одобрили инициативу Президента об однопалатном Парламенте, нередко используя позитивную тональность. «Мы рады. Я считаю реформу хорошей... я за», - заявлял в интервью молодой депутат районного уровня. Другая депутат прямо называет переход к новой парламентской структуре «шикарным решением: законы будут приниматься быстро и качественно». Подобная безоговорочная поддержка указывает на укоренившуюся норму лояльности: депутаты склонны доверять центральной инициативе и не высказывают открытой критики. Даже те, у кого возникли сомнения, формулируют их крайне осторожно. «Инициатива вызвала смешанные чувства. С другой стороны, возник вопрос: как будут обеспечиваться интересы регионов. Первая реакция - заинтересованность и осторожность», - отмечает один собеседник, демонстрируя взвешенность тона. В целом же дискурс интервьюируемых отражает патерналистскую политическую культуру, в которой решения «сверху» воспринимаются как благонамеренные и нуждающиеся прежде всего в поддержке, а не в оспаривании.

Патернализм проявляется и в том, как депутаты оценивают роль партий и избирателей. Большинство респондентов-депутатов - члены партий, прошедшие в маслихаты по партий-

ным спискам. Для них характерно убеждение, что партийная вертикаль обеспечивает качество и ответственность народных избранников. «Будет привязка к партии, и депутаты будут ответственны перед партиями. Если будет нарушение со стороны депутата, то партия... отзовёт мандат... В мажоритарной системе... много некомпетентных депутатов», - утверждает одна из депутатов, отрицательно относясь к полностью мажоритарным выборам. Этот комментарий ярко иллюстрирует партийную зависимость, согласно которой сами депутаты воспринимают партийное руководство как необходимый механизм контроля и наставничества, а независимую политическую конкуренцию если и принимают, то с недоверием. С институциональной точки зрения такая позиция означает ориентацию не столько на избирателей, сколько на партию, что влечёт ограниченную самостоятельность на местном уровне.

Отношения с избирателями также окрашены в патерналистские тона. В интервью депутаты часто описывают свою работу через призму оказания адресной помощи гражданам, что традиционно характерно для патерналистской модели. Например, депутат районного маслихата рассказывает: «Очень много людей обращаются за финансовой помощью. Я стараюсь помогать, но не хочу создавать иждивение». Это высказывание показывает двойственность восприятия своей роли: с одной стороны, от депутата ожидают материальной поддержки и решения бытовых проблем, с другой, сами депутаты осознают опасность формирования у населения иждивенческих настроений. Тем не менее, наличие подобного потока обращений избирателей (просьбы о помощи, решении коммунальных вопросов и т.д.) говорит о том, что представительная функция маслихатов в массовом сознании во многом сведена к патерналистской роли, т.е. депутаты воспринимаются как проводники с точки зрения получения благ и услуг от власти, а не как независимые представители граждан, выполняющие важные общественные функции.

Таким образом, политико-культурный анализ интервью показывает, что даже в условиях объявленных политических реформ базовые

ценности и установки депутатов остаются во многом неизменными. Лояльность к руководству и опора на иерархические связи (через партию, через исполнительную вертикаль) превалируют над ценностями автономии и конкурентности. Патернализм, укоренённый в политической культуре, проявляется как в отношениях «центр - депутат» (ожидание указаний, доверие и лояльность «центральным» решениям), так и в отношениях «депутат - население» (ожидание материальной помощи со стороны жителей, личных одолжений). Этот культурный фон во многом предопределяет реакцию депутатов на реформу: они склонны поддерживать её, исходя из доверия лидеру и надежды на улучшение системы, не акцентируя внимание на потенциальных рисках для реальной демократии на местах.

Диаграмма 1 - Процентный показатель отношения депутатов к реформе и избирательной системе

Диаграмма 1 показывает, что подавляющее большинство опрошенных депутатов поддерживают парламентскую реформу (89%) и выступают за смешанную избирательную систему (89%). При этом 78% респондентов считают, что в результате реформы интересы регионов будут учтены, а 55% отмечают наличие опыта взаимодействия с сенаторами. В целом данные указывают на преобладание позитивного отношения к реформе при разной степени институционального взаимодействия.

В итоге анализ девяти интервью демонстрирует, что обсуждаемая парламентская реформа воспринимается депутатами преимущественно в рамках операционального, а не структурно-политического подхода. Их ответы, хотя и содержат элементы практического опыта, в большинстве случаев отражают не концептуальное понимание реформы, а скорее следование общим установкам, трансли-

руемым в публичном политическом дискурсе.

Во-первых, почти все депутаты связывают переход к однопалатному Парламенту с «ускорением» и «упрощением» процессов, не затрагивая вопрос о функциональной перераспределённости власти, механизмах ответственности или изменении баланса между центром и регионами. Эти объяснения выглядят интуитивными, но не аналитическими, поскольку ускорение процесса преподносится как самоочевидное благо, без попытки оценить институциональные риски или возможные побочные эффекты. Подобная односторонняя трактовка позволяет предположить, что депутаты опираются не на собственную политическую оценку, а на аргументы, приводимые в рамках официальной риторики реформ.

Во-вторых, оценка Сената как института регионального представительства во всех интервью даётся на уровне отдельных эпизодов - «встречи были», «поднимали вопросы», - но почти никто не анализирует структурную роль Сената, его место в системе сдержек и противовесов или механизм двойной легитимации законопроектов. Депутаты воспринимают Сенат через призму бытовой полезности, а не с точки зрения системного значения для конституционной архитектуры страны. Отсюда и парадокс: большинство признают, что Сенат мало влиял на регионы, но одновременно не понимают, как должно было быть и не артикулируют, какая институция возьмёт на себя эту функцию после реформы.

В-третьих, ответы о будущем маслихатов содержат единый мотив - «роль возрастёт», но почти не содержат анализа, за счёт какого институционального ресурса это может произойти. Депутаты называют прозрачность, цифровизацию, отчёты акиматов, но редко затрагивают вопрос реального перераспределения полномочий, бюджетной автономии или механизмов ответственности акиматов перед представительными органами. Тем самым маслихат в их представлении остаётся институтом, который должен «усилиться», но механизм усиления остаётся неосмысленным.

Четвёртый аспект - отношение к избирательной системе. Поддержка смешанной модели выражена практически единодушно, но аргументация часто сводится к формуле «баланс

интересов». Однако почти никто не обсуждает, какой именно баланс нужен, какие сегменты общества он затрагивает, как он влияет на партийную систему, и какие риски может вызвать его отсутствие. Это позволяет предположить, что депутаты оценивают систему через призму обыденной политической интуиции, а не через понимание избирательной инженерии.

Наконец, в вопросах о роли депутата будущего и институциональных изменениях маслихатов наблюдается тенденция к нормативным, а не содержательным высказываниям. Почти все респонденты повторяют универсальные требования - «открытость», «честность», «профессионализм», которые, хотя и отражают общественный запрос, сами по себе не раскрывают механизмов достижения этих качеств или изменений институциональной среды.

В совокупности интервью демонстрируют важную особенность: депутаты на местах, несмотря на непосредственную вовлечённость в управленческие процессы, редко рассматривают реформу как целостную политическую трансформацию. Их ответы показывают фрагментарное и реактивное понимание происходящих изменений. Они видят последствия реформы преимущественно через призму бытовой эффективности и собственного опыта работы с населением, но не в категориях институционального дизайна, распределения власти или реформирования механизмов представительства. Это создаёт впечатление, что политическая рефлексия о реформе пока не внутренний продукт маслихатского корпуса, а скорее отражение официального описания планируемой реформы, адаптированной под местный управленческий контекст.

Заключение

Реформа парламентской архитектуры в Казахстане, направленная на упразднение Сената и переход к однопалатной структуре, представляет собой не только институциональное изменение, но и маркер трансформации всей системы политического представительства. Анализ, проведённый на основе теоретических концепций и эмпирических данных, позволяет сделать ряд значимых выводов. К ним можно отнести следующие.

Ликвидация Сената означает устранение закреплённого в Конституции механизма территориального представительства, что влечёт за собой риски усиления централизации на фоне ослабления регионального голоса на национальном уровне. Сенат выступал не только как элемент системы сдержек и противовесов, но и как канал институционализации интересов регионов в центре, и его исчезновение требует создания компенсаторных механизмов.

В качестве таких механизмов в рамках нынешней политической конструкции рассматриваются маслихаты и политические партии. Эмпирические данные, полученные в ходе интервью с депутатами маслихатов, показывают, что сами представители местных представительных органов воспринимают реформу скорее как возможность для усиления своей роли, чем как угрозу. Среди предложений по институциональному укреплению маслихатов можно назвать расширение бюджетных и контрольных полномочий, повышение профессионализма, развитие механизмов взаимодействия с Мажилисом и центральной исполнительной властью. Однако одновременно выявляются ограничения - это зависимость от исполнительной власти, патерналистские установки населения, партийная лояльность и отсутствие самостоятельной политической позиции. Это подтверждает, что институциональные изменения требуют не только юридической трансформации, но и культурной адаптации к реформе участников политического процесса.

Следующим выводом можно назвать то, что модернизация партийной системы оценивается в интервью как потенциальный инструмент восполнения утраченной функции Сената. Однако в условиях высокой централизованности партийного поля и ограниченной автономии партийных филиалов существует риск, что партии не станут эффективными каналами территориального представительства. Реальное усиление их роли возможно только при развитии внутривнутрипартийной демократии, росте организационной зрелости и вовлечении региональных структур в процесс формирования политической повестки.

Таким образом, успешность парламентской реформы будет зависеть от способности государства не только изменить архитектуру

институтов, но и выстроить эффективные горизонтальные связи между уровнями власти. Маслихаты и партии могут стать опорой новой модели представительства, но для этого необходима институциональная и политико-культурная трансформация, предполагающая переосмысление роли местных представительных органов и их подотчетности перед обществом. Реформа приобретёт устойчивый характер лишь в случае, если будет сопровождаться расширением реальных полномочий регионов, обеспечением их участия в политике на общенациональном уровне и развитием политического плюрализма, основанного на доверии, ответственности и открытом диалоге.

Список литературы

- 1 Саулен Н. Институт парламентаризма в контексте конституционной реформы Казахстана // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2023. – № 2. – С. 129–147.
- 2 Илеуова Г. Экскурс в историю парламентаризма в Казахстане // [Электронный ресурс] URL: <https://nomad.su/?a=2-202512050036> (дата обращения 06.12.2025).
- 3 Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана «Казахстан в эпоху искусственного интеллекта: актуальные задачи и их решения через цифровую трансформацию» от 08.09.2025 г. // [Электронный ресурс] URL: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-kazahstan-v-epohu-iskusstvennogo-intellekta-aktualnye-zadachi-i-ih-resheniya-cherez-cifrovuyu-transformaciyu-885145> (дата обращения 22.11.2025).
- 4 Официальный сайт Центральной избирательной комиссии Республики Казахстан // [Электронный ресурс] URL: <https://www.election.gov.kz> (дата обращения: 12.12.2025).
- 5 Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года, с изм. и доп.). // [Электронный ресурс] URL: https://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution (дата обращения: 12.12.2025).
- 6 Тамара Вааль. Карин Е. Государственный советник: мы не придём к парламентской республике. // Vlast.kz. [Электронный ресурс] URL: <https://vlast.kz/politika/66994-erlan-karin-gosudarstvennyj-sovetniku-ne-primem-k-parlamentskoj-respublike.html> (дата обращения: 15.11.2025).
- 7 Мухамеджанов Э.Б. Парламентская реформа: шаг вперед, два шага назад. // [Электронный ресурс] URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33483524&pos=6;-108#pos=6;-108 (дата обращения: 23.10.2025).
- 8 Выступление Главы государства Касым-Жомарта Токаева на торжественном мероприятии по случаю Дня Республики // [Электронный ресурс] URL: <https://www.akorda.kz/ru/vystuplenie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-natorzhestvennom-meropriyatii-po-sluchayu-dnyarespubliki-2492250> (дата обращения 22.11.2025).
- 9 Полетаев Э. 30 лет маслихатам в Казахстане – с чего начинали и к чему пришли // Информбюро. kz.13.03.2024. // [Электронный ресурс] URL: <https://informburo.kz/stati/30-let-maslihatam-v-kazahstane-s-cego-nacinali-i-k-cemu-prisli> (дата обращения: 01.12.2025).
- 10 Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет», Закон РК «О местном государственном управлении и самоуправлении», № 148-II от 23 января 2001 года // [Электронный ресурс] URL: [https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z010000148_\(дата обращения 12.11.2025\)](https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z010000148_(дата обращения 12.11.2025)).
- 11 Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет», Закон Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан», № 254 от 21 мая 2007 года // [Электронный ресурс] URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z070000254_/links (дата обращения 12.11.2025).
- 12 КИСИ при Президенте РК, Редакционная коллегия: А.С. Жолдыбалына, Ж.М. Санхаева, А.Г. Урпекова, Қ.С. Сайлау, Д.Б. Өтеғали, Қ.Е. Ықылас. Выборы депутатов маслихатов – 2023: особенности и тенденции (коллективная монография к 30-летию маслихатов). – Астана: КИСИ, 2024. – 208 с.
- 13 Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет», Закон Республики Казахстан «О выборах в Республике Казахстан» от 2 июня 2020 года № 339-VI ЗРК. // [Электронный ресурс] URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2000000339> (дата обращения: 12.11.2025).
- 14 Заирова А. Полномочия маслихатов в Республике Казахстан: законодательные изменения и тенденции. // Материалы международной научной конференции студентов и молодых ученых «Фараби Әлемі». 3-5 апреля 2025 г. – Алматы: Қазақ университеті, 2025. – 1371 с.

Transliteration

- 1 Saulen N. Institut parlamentarizma v kontekste konstitucionnoj reformy Kazahstana [The institution of parliamentarism in the context of Kazakhstan's constitutional reform] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 11. Pravo. – 2023. – N 2. – S. 129–147. (in Russ)
- 2 Ileuova G. Jekskurs v istoriju parlamentarizma v Kazahstane [An excursion into the history of parliamentarism in Kazakhstan] // [Jelektrondy resurs] URL: <https://nomad.su/?a=2-202512050036> (Qaralghan kuni: 06.12.2025). (in Russ)
- 3 Poslanie Glavy gosudarstva Kasym-Zhomarta Tokaeva narodu Kazahstana «Kazahstan v jepohu iskusstvennogo intellekta: aktual'nye zadachi i ih reshenija cherez cifrovuyu transformaciju» ot 08.09.2025 g. [Address of the Head of State Kassym-Jomart Tokayev to the people of Kazakhstan “Kazahstan in the era of artificial intelligence: urgent tasks and their solutions through digital transformation” dated 08.09.2025] // [Jelektrondy resurs] URL: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-kazahstan-v-epohu-iskusstvennogo-intellekta-aktualnye-zadachi-i-ih-resheniya-cherez-cifrovuyu-transformaciyu-885145> (Qaralghan kuni: 22.11.2025). (in Russ)
- 4 Oficial'nyj sajt Central'noj izbiratel'noj komissii

Respubliki Kazahstan [Official website of the Central Election Commission of the Republic of Kazakhstan] // [Jelektrondy resurs] URL: <https://www.election.gov.kz> (Qaralghan kuni: 12.12.2025). (in Russ)

5 Konstitucija Respubliki Kazahstan (prinjata na respublikanskom referendumе 30 avgusta 1995 goda, s izm. i dop.) [Constitution of the Republic of Kazakhstan (adopted at the national referendum on August 30, 1995, with amendments and additions)] // [Jelektrondy resurs] URL: https://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution (Qaralghan kuni: 12.12.2025). (in Russ)

6 Vaal' T. Karin E. Gosudarstvennyj sovetnik: my ne pridem k parlamentskoj respublike [State counselor: we will not come to a parliamentary republic] // Vlast.kz. // [Jelektrondy resurs] URL: <https://vlast.kz/politika/66994-erlan-karin-gosudarstvennyj-sovetnik-my-ne-pridem-k-parlamentskoj-respublike.html> (Qaralghan kuni: 15.11.2025). (in Russ)

7 Muhamedzhanov Je. B. Parlamentskaja reforma: shag vpered, dva shaga nazad [Parliamentary reform: one step forward, two steps back] // [Jelektrondy resurs] URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33483524&pos=6;-108#pos=6;-108 (Qaralghan kuni: 23.10.2025). (in Russ)

8 Vystuplenie Glavy gosudarstva Kasym-Zhomarta Tokaeva na torzhestvennom meroprijatii po sluchaju Dnja Respubliki [Speech of the Head of State Kassym-Jomart Tokayev at the ceremonial event on the occasion of Republic Day] // [Jelektrondy resurs] URL: <https://www.akorda.kz/ru/vystuplenie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-na-torzhestvennom-meroprijatii-po-sluchayu-dnja-respubliki-2492250> (Qaralghan kuni: 22.11.2025). (in Russ)

9 Poletaev Je. 30 let maslihatam v Kazahstane – s chego nachinali i k chemu prishli [30 years of maslikhats in Kazakhstan: where they started and what they have come to] // Informburo.kz. – 13.03.2024. // [Jelektrondy resurs] URL: <https://informburo.kz/stati/30-let-maslihatam-v-kazahstane-s-cego-nacinali-i-k-cemu-prisli> (Qaralghan kuni: 01.12.2025). (in Russ)

10 Informacionno-pravovaja sistema normativnyh pravovyh aktov Respubliki Kazahstan «Adilet», Zakon RK «O mestnom gosudarstvennom upravlenii

i samoupravlenii», N 148-II ot 23 janvarja 2001 goda [Information and legal system of normative legal acts of the Republic of Kazakhstan “Adilet”, Law of the Republic of Kazakhstan “On local public administration and self-government”, No. 148-II dated January 23, 2001] // [Jelektrondy resurs] URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z010000148_ (Qaralghan kuni: 12.11.2025). (in Russ)

11 Informacionno-pravovaja sistema normativnyh pravovyh aktov Respubliki Kazahstan «Adilet», Zakon Respubliki Kazahstan «O vnesenii izmenenij i dopolnenij v Konstituciju Respubliki Kazahstan: N 254 ot 21 maja 2007 goda [Information and legal system of normative legal acts of the Republic of Kazakhstan “Adilet”, Law of the Republic of Kazakhstan “On introducing amendments and additions to the Constitution of the Republic of Kazakhstan”, No. 254 dated May 21, 2007] // [Jelektrondy resurs] URL: adilet.zan.kz/rus/docs/Z070000254_/links (Qaralghan kuni: 12.11.2025). (in Russ)

12 KISI pri Prezidente RK, Redakcionnaja kollegija: A. S. Zholdybalina, Zh. M. Sanhaeva, A. G. Urpekova, K. S. Sajlau, D. B. Otegali, K. E. Ykylas. Vyborny deputatov maslihatov – 2023: osobennosti i tendencii [kollektivnaja monografija k 30-letiju maslihatov] [Election of maslihat deputies – 2023: features and trends (collective monograph for the 30th anniversary of maslikhats)]. – Astana: KISI, 2024. – 208 s. (in Russ)

13 Informacionno-pravovaja sistema normativnyh pravovyh aktov Respubliki Kazahstan «Adilet», Zakon Respubliki Kazahstan «O vyborah v Respublike Kazahstan» ot 2 ijunja 2020 goda N 339-VI ZRK [Information and legal system of normative legal acts of the Republic of Kazakhstan “Adilet”, Law of the Republic of Kazakhstan “On elections in the Republic of Kazakhstan” dated June 2, 2020 No. 339-VI ZRK] // [Jelektrondy resurs] URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z200000339> (Qaralghan kuni: 12.11.2025). (in Russ)

14 Zairova A. Polnomochija maslihatov v Respublike Kazahstan: zakonodatel'nye izmenenija i tendencii [Powers of maslikhats in the Republic of Kazakhstan: legislative changes and trends] // Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii studentov i molodyh uchenyh «Farabi Alemi». 3–5 aprelja 2025 g. – Almaty: Kazak universiteti, 2025. – 1371 s. (in Russ)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

<i>Асель Бахадырвна Заирова</i>	магистрант, Казахский Национальный университет им.аль-Фараби, Алматы, Казахстан, email: zassbn@mail.ru, ORCID ID 0009-0006-6641-9332
<i>Айвар Сакенович Байтлеуов</i>	независимый эксперт-аналитик, Алматы, Казахстан, email: baitleuovaivar@yahoo.com
<i>Ануар Маратович Толеп</i>	магистрант, Казахский Национальный университет им.аль-Фараби, Алматы, Казахстан, e-mail: alashanuar@gmail.com, ORCID ID 0009-0006-3038-705X
<i>Әсел Бахадырқызы Заирова</i>	магистрант, Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Алматы, Қазақстан, e-mail: zassbn@mail.ru, ORCID ID 0009-0006-6641-9332
<i>Айвар Сакенович Байтлеуов</i>	тәуелсіз сарапшы-талдаушы, Алматы, Қазақстан, email: baitleuovaivar@yahoo.com
<i>Ануар Маратович Толеп</i>	магистрант, Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Алматы, Қазақстан, email: alashanuar@gmail.com, ORCID ID 0009-0006-3038-705X
<i>Assel Zairova</i>	Master's student, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan, email: zassbn@mail.ru, ORCID ID 0009-0006-6641-9332
<i>Aivar Baitleuov</i>	Independent Expert Analyst, Almaty, Kazakhstan, email: baitleuovaivar@yahoo.com
<i>Anuar Tolep</i>	Master's student, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan, email: alashanuar@gmail.com, ORCID ID 0009-0006-3038-705X